

И. Гриневская

**Огоньки: рассказы,
стихотворения и пьесы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Гриневская**
Огоньки: рассказы, стихотворения и пьесы / И. Гриневская – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 343 с.

ISBN 978-5-518-02608-7

ISBN 978-5-518-02608-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Разказы и стихотворенія.

	СТР.
Огоньки	* * *
Мое свадебное путешествіе	1
Два крушенія (рождественскій разказъ)	18
Прости	22
Успѣхъ	23
Въ храмѣ	37
M-elle Рожѣ	38
Звѣздочка, спутница жизни моей	51
Ротонда	52
Сонъ	75
Некрасову	87
Старушка	88
Сонетъ	105
Бутырины и ихъ дома	106
Кто безмятежно наслажденье	122
Діанка	123
Волна сказала мнѣ: „мы вѣчно одиноки“	143
Особое мнѣніе	144
Али мудрецъ	161
Геній слова (памяти Пушкина)	167

П ъ е с ы.

Первая гроза	173
Трудовой день	193
Урокъ танцевъ	237
Пьеса для разъѣзда	269
Письмо	311

МОЕ СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

— **У**то за нелѣпный обычай—свадебныя путешествія! Положимъ, если любишь жену, приятно освободиться на нѣкоторое время отъ ея мамы, папы и другихъ нѣжныхъ родственниковъ. Но увѣряю васъ, въ концѣ концовъ вы ничего не выигрываете, замѣняя вашу собственную квартиру вагономъ желѣзной дороги... Я, вѣроятно, предчувствовалъ всю прелесть этой замѣны съ дѣтскихъ лѣтъ, еще тогда, когда изъ всей женской половины человечества я обожалъ только мою мать и рябую старую няньку, когда меня занимали только мотыльки и ящерицы. Уже въ то время я питалъ отвращеніе къ путешествіямъ, инстинктивно придерживаясь мудраго изреченія: „вездѣ хорошо, а дома лучше“. Я долго оставался твердъ въ моихъ убѣжденіяхъ и постоянно въ вкусахъ; но съ той минуты, какъ я увидѣлъ въ первый разъ мою жену, все перепуталось въ моей душѣ. Мнѣ всегда нравились женщины здоровыя и бойкія, а жена моя была дѣвушка блѣдная, болѣзненная и принадлежала къ разряду эфирныхъ созданій. Я никогда не боялся болѣзней, ненавидѣлъ докто-

ровъ, медицину не признавалъ, гигиену считалъ порожденіемъ безсмысленной трусости и не разъ высказывалъ мысль одного остроумнаго иѣмца, предлагавшаго замѣнять аптеки магазинами фруктовъ. Вообще науку я всегда третировалъ свысока. Но съ той поры, какъ я влюбился въ мою эфирную жену, доктора и аптекаря стали моими лучшими друзьями, а сочиненія по медицинѣ и гигиенѣ сдѣлались пріятнѣйшимъ для меня чтеніемъ. Я не пропускалъ ни одной новѣйшей брошюры по медицинѣ или гигиенѣ, думая найти въ нихъ средства для охраненія здоровья болѣзненнаго существа, ставшаго почему-то моему сердцу такъ дорогимъ. Теперь я впервые понялъ великое значеніе науки не только въ области нашего матеріальнаго благосостоянія, но и въ дѣлѣ нашего душевнаго покоя. Научная теорія о наслѣдственности, напимѣръ, не разъ помогала мнѣ усмирить угрызенія моей совѣсти. Возможность нравственную вину за свои дурные поступки свалить на плечи восходящихъ поколѣній—развѣ это не благо? Какое мнѣніе я могъ бы имѣть о самомъ себѣ, если бы у меня не было основаній часть моихъ непривлекательныхъ свойствъ считать наслѣдіемъ моихъ отцовъ? И вообще, что было бы со мною теперь, если бы не эта же теорія, выручившая меня въ самую критическую минуту, въ которую я очутился во время моего свадебнаго путешествія, о которомъ я хочу вамъ рассказать. Но начнемъ сначала.

Когда у насъ съ матерью моей невѣсты шли переговоры насчетъ подробностей свадьбы

и нашего дальнѣйшаго устройства, я настаивалъ, чтобы мы послѣ вѣнца отпразднелись на мою квартиру, которую я устроилъ по всеѣмъ требованіямъ гигиены. Я опирался на основахъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, доказывающихъ какъ дважды два четыре, что люди подвергаютъ себя во время желѣзнодорожныхъ путешествій всякимъ опасностямъ. Я ей приводилъ вычисленія Петенкофера, по которымъ человекъ безъ вреда для здоровья можетъ вдохнуть только одну часть углекислаго газа на 1.000 частей чистаго атмосфернаго воздуха... одну часть на тысячу, а все, что превышаетъ эту пропорцію, дѣйствуетъ на него, какъ ядъ. При помощи математическихъ выкладокъ я доказалъ ей, что если къ концу длиннаго пути въ вагонахъ оказываются живые пассажиры, а не одни мертвые тѣла—такъ это чудо, которому надо удивляться. Но все мои вѣскіе доводы были напрасны. Она и слышать не хотѣла о буржуазномъ концѣ нашей романтической идилліи и требовала, чтобы мы отправились въ брачное путешествіе и непременно по составленному ею маршруту. Мы должны были почти безъ остановокъ доѣхать до Парижа и тамъ, въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ она сама провела „незабвенные“ дни медоваго мѣсяца—расположиться для этой цѣли.

Моя будущая теща была бы премилая женщина, если бы не ея сантиментальность. Гдѣ дѣло касалось только ея сантиментальныхъ тенденцій, какъ бы они нелѣпы ни были—она становилась твердой, какъ скала. Ей вдругъ

пришла фантазія, чтобы мы провели нашъ медовый мѣсяцъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она, и ради этого она готова была задушить свою единственную дочь углекислотой желѣзнодорожнаго вагона, подвергнуть ее сквознякамъ всѣхъ системъ вентиляціи, заразить ее милліонами бактерій, холерныхъ, тифозныхъ, чахоточныхъ, которыя живутъ въ бархатныхъ скамейкахъ купэ. Она увѣряла, что препровожденіе времени именно въ этихъ вагонахъ и гостиницахъ намъ принесетъ счастье и мы всю жизнь проживемъ въ такомъ же мирѣ и согласіи, какъ она съ своимъ супругомъ. Даже когда я ей показывалъ брошюру, которая прямо осуждала свадебныя путешествія, считая ихъ убійственно-утомительными для женщины, она только улыбалась и, чувствительно вздыхая, говорила: „Когда ѣдешь съ любимымъ человѣкомъ, то не замѣчаешь утомленія... Я сама совершила это путешествіе и, какъ видите, совершенно здорова“.

Сказать что-нибудь противъ моей будущей тещи—значило явиться въ глазахъ моей невѣсты извергомъ. Разумѣется, я вовсе не желалъ заслужить раньше времени такую позорную репутацію и, волей-неволей, подчинился ея рѣшенію. И вотъ послѣ вѣнца, вмѣсто того чтобы отправиться на собственную благоустроенную квартиру, гдѣ мы могли бы отдохнуть отъ всѣхъ тревогъ послѣднихъ дней и безъ свидѣтелей обнять другъ друга, мы принуждены были скакать на вокзалъ, гдѣ насъ ожидала куча родныхъ и друзей для чувствительныхъ проводовъ въ дальній путь.

Въ началѣ, въ вагонѣ, въ который насъ помѣстили заботливые родители, было сравнительно мало народа, но пока мы изъ открытаго окна обмѣнивались прощальными привѣтствіями съ провожавшими насъ, вагонъ переполнился пассажирами. Я началъ протестовать, звать кондуктора, но извѣстно, что эти господа имѣютъ исключительное свойство отсутствовать, когда въ нихъ нуждаются, и являться тогда, когда, охотно послалъ бы ихъ къ чорту. Въ ту минуту, когда я намѣревался бѣжать къ начальнику станціи, раздался третій звонокъ, выросшій точно какъ изъ-подъ земли кондукторъ рѣшительно захлопнулъ дверцы вагона и поѣздъ тронулся. Моя жена безразсудно высунулась почти всѣмъ корпусомъ изъ окна, ловя чью-то протянуую къ ней руку, кивала головой, махала батистовымъ, уже совершенно мокрымъ отъ слезъ платочкомъ. Я за ея спиной продѣлывалъ всѣ подобающіе въ этомъ случаѣ жесты: махалъ шляпой по воздуху, кивалъ головой и, кажется, чуть не посылалъ воздушные поцѣлуи... съ выраженіемъ лица, вѣроятно, мало соответствовавшимъ всѣмъ этимъ движеніямъ. Мнѣ хотѣлось скорѣе прекратить эти проводы, которые казались мнѣ безконечными, мнѣ хотѣлось освободиться отъ всѣхъ этихъ людей, овладѣвшихъ вниманіемъ моей жены. Наконецъ, поѣздъ тронулся и толпа провожавшихъ насъ лицъ, махавшихъ намъ шляпами и платками, скрылась въ густыхъ клубахъ дыма локомотива. Вскорѣ исчезли также послѣднія строенія Петербурга. Въ этомъ городѣ я по-

кидалъ свою квартиру, въ которой намъ было бы такъ хорошо, въ которой я могъ бы, не боясь внезапнаго вторженія кого бы то ни было, обнять мою дорогую жену, сказать ей... разсказать ей... высказать ей, какъ переполнено мое сердце... А тутъ... я даже не могъ пожать ей руку! Какъ разъ противъ насъ расположилась внушительнаго вида дама съ дочкой-подросткомъ, которая все время тарасила на насъ глаза.

Нѣкоторые пассажиры въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ, несмотря на поднявшійся туманъ и на вечернюю пору, не согласились закрыть окна, и мнѣ пришлось вступить съ ними въ непріятный разговоръ, который привелъ только къ тому, что жена моя почему-то сочла меня грубіаномъ и просила немедленно прекратить объясненія.

— Развѣ можно такъ говорить... такъ грубо?—замѣтила она сурово.—Мнѣ не холодно, оставьте.

При этомъ у нея было лицо точь въ точь какъ у ея матери въ моментъ, когда она отстаивала какіе-нибудь свои „принципы“, и я невольно долженъ былъ сложить оружіе и постыдно отступить. Чтобы защитить жену отъ холода, я принялся укутывать пледомъ ея ножки, но она быстро отстранила меня, не дозволивъ и прикоснуться къ себѣ. При всякомъ желаніи оказать ей подобное вниманіе, я встрѣчалъ ея укоризненный взглядъ, переходившій отъ меня къ нашему визави, и краснорѣчиво говорившій: „какъ не стыдно при чужихъ и еще при дѣвочкѣ“...

Чтобы освободиться отъ дамы и ея дочки, не сводившей съ насъ пытливыхъ глазъ, я рѣшилъ занять мѣсто въ другомъ отдѣленіи, гдѣ на одномъ изъ дивановъ спалъ безмятежнымъ сномъ молодой человѣкъ въ непринужденной позѣ, съ туфлями на ногахъ, разстегнутымъ воротомъ и мягкой палочкой на головѣ. Я предпочиталъ сосѣдство спящаго молодого человѣка съ разстегнутымъ воротомъ застегнутой на всѣ петли, но вытянутой въ струнку и бодрствующей дамѣ и ея дочери съ широко раскрытыми, направленными на насъ глазами. Но жена моя была иного мнѣнія, замѣтивъ мнѣ, что молодой человѣкъ, вѣдь, можетъ и проснуться. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ поручиться, чтобы онъ, проснувшись и увидѣвъ сосѣдство хорошенькой женщины, захотѣлъ немедленно снова погрузиться въ сонъ. Мы остались на прежнемъ мѣстѣ.

Жена моя сама укуталась въ пледъ и склонилась на подушку съ явнымъ намѣреніемъ заснуть. Я отодвинулся, чтобы дать ей возможность улечься поудобнѣе. Она закрыла глаза, но, очевидно, не спала, потому что всякій разъ, какъ я пытался поправить сдвинувшійся пледъ или соскользнувшуюся съ дивана подушку, она вздрагивала и мягко, но рѣшительно отстраняла меня рукой. Противъ меня, точно два призрака, сидѣли мать и дочь. Я прижался къ противоположному углу дивана и предался горькому раздумью. Со dna моей души всплыли такіа мятежныя чувства, испытывать которыя я до сихъ поръ не счи-

талъ себя способнымъ. Въ умѣ моемъ бродили злодѣйскія козни противъ общественныхъ и семейныхъ основъ. Я негодовалъ противъ родительскихъ правъ вмѣшиваться въ дѣла двухъ любящихъ сердецъ. Если бы люди подлежали отвѣтственности за мысли, я могъ бы подвергнуться строжайшему наказанію и ни одинъ судъ не оказалъ бы мнѣ снисхожденія. Я былъ возмущенъ до ярости противъ моей милой тещи за нелѣпный планъ—послать насъ искать счастья за тридевять земель, когда оно намъ улыбалось на Фурштатской улицѣ, въ городѣ, гдѣ я родился, полюбилъ ея дочь и обвѣнчался съ ней.

Я провелъ тяжелую ночь. Только подъ самое утро я на мгновеніе забылся. Когда я проснулся, нашихъ визави, т. е. матери съ дочерью, дѣйствовавшихъ на меня, какъ кошмаръ, уже не было.

Теперь, думалъ я съ облегченнымъ сердцемъ, мнѣ удастся поговорить съ моей женой на свободѣ и по душѣ, сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, можетъ быть, даже и обнять ее. Мнѣ хотѣлось это сдѣлать сейчасъ же, но теперь она уже спала, и такъ сладко, что мнѣ жаль было ее тревожить. Я долго просидѣлъ неподвижно, боясь пошевелиться, боясь разбудить ее, не сводя съ нея глазъ и готовясь встрѣтить ея первый взглядъ, съ трепетомъ мечтая провести съ ней хоть четверть часа безъ назойливыхъ свидѣтелей. Но и этой моей мечтѣ не суждено было осуществиться... Въ вагонъ вошелъ старый господинъ, который, оглядѣвъ своими тусклыми глазами всѣхъ